

ОТКРЫТИЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ЭПОХИ И СТИЛЬ (Окончание)¹

© 2021 г. Ю. А. Веденеев

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: vedpol45@gmail.com

Поступила в редакцию 30.04.2020 г.

Аннотация. Статья посвящена эволюции языка юриспруденции в различных аспектах и контекстах исторического существования права. Общий подход основан на разграничении понятий «образование юриспруденции» и «открытие юриспруденции».

Образование юриспруденции протекает в социокультурной логике развития правовых систем, составляя институциональный аспект их становления, формирования и функционирования в структуре образов, вероучений и формально-логических конструкций и определений. В этой части своего содержания проблематика образования науки права входит в предмет историко-генетической юриспруденции или в ее учебной редакции — истории юридической науки. В данном аспекте своего существования юридическая наука рассматривается в качестве института общей правовой реальности, наряду с ее нормативным, процедурным и юридико-техническим измерением.

Открытие юриспруденции связано с процессами ее рефлексии на предмет самой себя, исследования различных исторических форм ее когнитивного выражения. Это вопрос прежде всего внутренней концептуальной эволюции юридической науки, когда ее содержательные и формальные характеристики являются предметом теоретико-методологической разработки в границах исторической семантики, лексики и нормативной грамматики культурной эпохи. В этой части своего содержания юридическая наука составляет предмет правовой эпистемологии и археологии юридического знания.

Эволюция права и эволюция науки права представляют собой общий процесс институционального и концептуального развития правовой системы в целом, в ее нормах и представлениях, принципах и институтах, образах и понятиях. Сравнительно-историческое исследование отдельных эпох, аспектов и фаз эволюции предмета, языка и структуры юриспруденции, ее базовых категорий и определений открывает перспективу в изучении и права, и науки права.

Ключевые слова: эволюция юриспруденции, образование юриспруденции, открытие юриспруденции, смена культурно-исторических парадигм, трансформации права и науки права, правовая эпистемология, культурно-историческая юриспруденция, язык юриспруденции, дисциплинарная структура юридической науки.

Цитирование: Веденеев Ю.А. (2021). Открытие юриспруденции: эпохи и стиль (Окончание) // Государство и право. 2021. № 1. С. 43–53.

DOI: 10.31857/S102694520013227-0

¹ Начало см.: Государство и право. 2020. № 11. С. 40–48.

DISCOVERY OF JURISPRUDENCE: EPOCHS AND STYLE (The end)²

© 2021 Yu. A. Vedeneev

Kutafin Moscow state law University (MSLA)

E-mail: vedpol45@gmail.com

Received 30.04.2020

Abstract. The article is devoted to the evolution of the language of jurisprudence in various aspects and contexts of the historical existence of law. The General approach is based on the distinction between the concepts of “education of law” and “opening of law”.

The formation of jurisprudence proceeds in the socio-cultural logic of the development of legal systems, making up the institutional aspect of their formation, formation and functioning in the structure of images, creeds and formal logical constructions and definitions. In this part of its content, the problems of education of the science of law are included in the subject of historical and genetic jurisprudence or in its educational edition – the history of legal science. In this aspect of its existence, legal science is considered as an institution of General legal reality, along with its normative, procedural, and legal-technical dimensions.

The discovery of jurisprudence is connected with the processes of its reflection on the subject of itself, the study of various historical forms of its cognitive expression. This is primarily a question of the internal conceptual evolution of legal science, when its content and formal characteristics are the subject of theoretical and methodological development within the boundaries of historical semantics, vocabulary, and normative grammar of the cultural era. In this part of its content, legal science is the subject of legal epistemology and the archaeology of legal knowledge. The evolution of law and the evolution of the science of law is a General process of institutional and conceptual development of the legal system as a whole, in its norms and concepts, principles and institutions, images and concepts. Comparative historical research of individual epochs, aspects and phases of the evolution of the subject, language and structure of jurisprudence, its basic categories and definitions opens up prospects in the study of both law and the science of law.

Key words: evolution of law, education law, open law, the change of the cultural-historical paradigms, transformation of law and science of law, legal epistemology, cultural, historical jurisprudence, language of law, the disciplinary structure of the science of law.

For citation: Vedeneev, Yu. A. (2021). Opening of jurisprudence: *epochs and style* (The end) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 43–53.

Биография юридического концепта: господствующее обозначающее

Образование и открытие юриспруденции заключено в ее генеалогии. Генеалогический подход позволяет установить, какие характеристики права как социокультурной категории, системы представлений и институтов, языков описания утрачены или приобретены в процессе движения его исторических форм (модусов и модальностей) в контексте той или иной эпохи своего существования и развития. И самое главное – выявить состав и структуру инвариантных и вариативных, структурных и функциональных, онтологически данных и исторически заданных признаков, определяющих истоки и траектории движения различных правовых систем, динамику их преобразования и возможных пересечений в историческом

времени и пространстве. Генеалогический подход открывает возможность обнаружить парадигмальные сдвиги в развитии правовых систем в их синтагматике и прагматике, исторические изменения в содержании и функциях права. Каждой кризисной эпохе в эволюции корреспондируют свои культурно-исторические условия трансформации права в составе и структуре правовых институтов, в составе и иерархии лежащих в их основании ценностей, в системе представлений о праве, правовых категориях и понятиях.

В этом аспекте своего понимания генеалогический подход охватывает все составные элементы знаково-семиотического прочтения юридического текста – универсальной категории права и науки права: предмет концептуализации (*обозначаемое*), юридический дискурс (*обозначающее*), понятие (*обозначенное*) и процесс концептуализации (*обозначивание*). Культурно-историческая практика становления и развития правовых систем в нем

² For the beginning, see: Gosudarstvo i pravo=State and Law, 2020, No. 11, pp. 40–48.

находит универсальный аналитический язык реконструкции фазовых парадигматических и эволюционных изменений собственных нормативной, институциональной и концептуальной составляющих в их взаимных связях и отношениях. Типология форм культурно-исторической эволюции юриспруденции симметрична контовской цивилизационной парадигме изменений в системах социальных коммуникаций и обеспечивающих их правовых систем. Важно лишь иметь в виду, что развитие правовых систем происходит исторически различных культурных пространствах, время в которых протекает неравномерно, с различной скоростью и инерционностью на различных уровнях и в отдельных элементах институциональной и концептуальной подсистем. Историческое время, выраженное в различных фазовых состояниях процесса асинхронных изменений элементов правовой системы, рождает ее внутренние противоречия, рассогласованности и взаимонесоответствия. Накапливаемые отклонения и дисфункции разрешаются в конечном счете структурными сдвигами в содержании и формах выражения наличного правопорядка, то есть сменой концептуальных парадигм в собственной истории их пространственно-временных отношений и переходов.

В позитивной науке права, значение категорий пространства и времени в осмыслении правовых явлений носит фрагментарный и сугубо формальный характер. Это элементы среды обитания права, юридические факты места и событий, с которыми формально связаны определенные правовые следствия. Все иное в понимании концептуального статуса данных категорий в юриспруденции не входит в ее предмет, т.е. не разрабатывается. Видимо, правовая наука потому и является позитивной, потому что не разрабатывает данные категории за рамками предписанных значений, поскольку в ином случае возникло бы много вопросов, на которые следовало бы дать ответы, по крайней мере в теории права. Можно, разумеется, сказать, что в своей социальной онтологии эти категории составляют пространственно-временной континуум протекания практической и познавательной юридической деятельности, т.е. ничего не сказать. Главный вопрос предполагает развернутый ответ: обладают ли категории «пространство» и «время» таким познавательным и логическим значением, которое имеет, в свою очередь, фундаментальное значение в понимании и определении природы и сущности, содержания и форм права и соответственно находит предметное и понятийное отображение в структуре науки права и юридического знания о праве?

Положительный ответ заключает в себе необходимость разработки как данной темы, так и аналитического инструментария, посредством которого можно развернуть ее в полном объеме своего

содержания. И тем самым обеспечить корректное определение значения пространственно-временных категорий и связанных с ними аналитических конструкций в исторических контекстах их сосуществования и взаимовлияния на процессы развития права и языка науки права. Совмещение пространственно-временных характеристик юридического текста в широком значении термина (правовой институт и концепт) и его семиотическое прочтение в понятиях «обозначающее», «обозначаемое» и «обозначенное», открывает аналитику матричного описания и объяснения явления права, соответственно, через изменения означающих, означаемых и означенных в определениях явления права и пространственно-временных контекстах его исторического существования и развития. Эпистемологическая матрица является вмещителем возможных значений юридического текста, существующего в ее концептуальных границах. Посредством конкурирующих интерпретаций и переинтерпретаций на языке господствующего в данном пространстве и времени юридического концепта и осуществляется производство конкретного знания о спрятанных в тексте содержаниях. Именно в этом смысле и явление права, и наука права контекстуальны и конвенциональны в своих конструкциях и представлениях. Следует лишь иметь в виду, что и языки предписаний, и языки определений в своих содержаниях и формах выражения живут своим собственным пространством и временем, одновременно предметным, воображаемым и формальным. Они образуют правовую реальность и, только меняясь сами, изменяют и ее.

Источник и начало исторического времени и пространства будущих институциональных и концептуальных переходов и перемен есть живая социоприродная правовая реальность, нагруженная мифологическими представлениями и осмыслениями явления права в мифопоэтических образах и ритуальных техниках производства и воспроизводства практик социального общения. Миф — первоначальная форма концептуального отображения и санкционирования социальной реальности, непосредственного перевода конкретного воображаемого в фактическое. Завершенный формат мифопоэтического мышления нашел себя в порождающем фактическую реальность эйдосе (*творящем дискурсе*) платоновской теософии. Архаическую стадию культурно-исторической эволюции юридических картин мира (рефлекторного мышления) сменила религиозно-символическая фаза и модус ее проявления. Вторичная моделирующая правопорядок система мышления о праве — основанное на вере божественное предопределение практик организации власти и управления. Завершающая цикл культурно-исторических трансформаций юридических картин

мира — рационально-логическая или фаза понятийного (рефлексивного) мышления о праве, формальная система логически выводимых суждений должного социального порядка. Ее предметное воплощение нашло себя в эмпирико-аналитической модели описания государственно-правовых порядков Аристотеля. Эволюционные и парадигмальные трансформации юридических картин мира получили свое отображение в собственных когнитивных формах нормативного восприятия и аналитического структурирования действительности, организованной в системе ее социальных иерархий и социальных сетей, начиная от первоначальных сообществ и завершая современными обществами на языке Ф. Тённиса³.

Архаические сообщества — сообщества медленного циклического времени, населенного духами предков пространства и традиционного права. Архаическое право переживается в ритуалах и осмысливается в мифах. Это право сообщества предписанных (*аскриптивных*) нормативных статусов и ролей. Первая знаниевая форма определена жесткой системой мифологических представлений о должном порядке и его источниках. Это — проявление органического правосознания первоначальных сообществ и архетипических проекций должного в сущем. Оно включало в себя сакральное знание для посвященных и выражало сложную структуру отношений между бытийным Хаосом и упорядоченным Космосом, эмпирической повседневностью и социоприродной метафизикой. Это первородный язык социального общения, отраженный в ритуальных практиках и институтах передачи новым поколениям жреческих сообществ⁴; мир рассеянного, образного и эмпирического знания партикулярных этнических сообществ, живущих магическими представлениями и формами социального общения; юридическое знание живой устной традиции, переживаемой и передаваемой культурными механизмами исторической памяти и основанное на многослойных нарративах творения мира, практических действиях и конечного воздаяния героям культурного пантеона; проявления феномена органической нормативной реальности творящей воображаемую нормативную реальность.

Следующая фаза культурно-исторической и концептуальной эволюции права представлена сложной сетью религиозных определений должного поведения — правовой теологией. Это нормативная система правопорядка обществ вертикального

вероучительного правосознания, источника права, основанного на вере в предзаданность всего сущего и несущего божественным волеизъявлением. Религиозное общество — это стратифицированное общество разделенного, вечного и преходящего времени, пространства и права. Его ментальное основание составляет разграничение Земного и Небесного порядков. Отсюда различие божественного и профанного, права боговдохновенного, дарованного и предписанного, права Ветхого Завета, Нового Завета и Коранического права. Это — право и юридическое знание, основанное на принципе изначального дуализма мира духовного и материального; мира дифференцированного учительного знания совершенного небесного порядка как альтернативы несовершенному земному порядку. Его концептуальная форма — символическое знание, отражающее извечный конфликт видимого и невидимого, мира живых и мертвых, грешников и мучеников веры, мира относительного сущего и абсолютного должного. Исторические репрезентации развернуты в индуистской и иудаистской традициях трансляции знания, определяемого в модальностях чистого или нечистого, правильного или неправильного поведения и представлены институтами производства истинных знаний и ритуальных предписаний этико-нормативных школ брахманов и учителей Закона⁵. Это — феномен воображаемой нормативной реальности, творящей фактическую нормативную реальность⁶.

На третьей фазе культурной эволюции социальных отношений, порядок которых выстраивается в логике рациональных конструкций правовой реальности, на юридической авансцене царит система сложноорганизованных формальных институтов и определений права. Это — правопорядок обществ линейного времени, иерархического пространства и сегментированного права. Его концептуальное измерение включает юридическое знание, выраженное в системе понятий, в основании которых лежат дедуктивно и индуктивно выводимые суждения о должном поведении. Это право, основанное на формальных определениях и выводимых из них понятий господства и подчинения. Мир концентрированного юридического знания, различающего его категориальное ядро и аналитическую периферию. Его концептуальная форма — знание, абстрактное, логически выстроенное,

⁵ См.: Зильберман Д. К пониманию культурной традиции. М., 2015.

⁶ Развернутая концепция роли религиозных представлений в развитии политико-правовых институтов раскрыта в небольшом фрагменте исследования французского историка античности Фюстель де Куланжа (см.: *Фюстель де Куланж*. Введение. Необходимость изучения древнейших верований народов для понимания их учреждений // Гражданская община античного мира. М., (1906) 2019).

³ См.: Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия и истоки социологии / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб., 2002.

⁴ См.: Кофанов Л.Л. Lex и Jus: возникновение и развитие римского права в VIII—III вв. до н.э. М., 2006; Сидорович О.В. Жреческая традиция в Древнем Риме. Культ, ритуал, история. М., 2018.

рациональное. Классическая форма — правовая догматика и аксиоматика позитивного. Его живая высокая форма — правовая герменевтика или юриспруденция скрытого глубинного текста внутри внешнего формального текста, обеспечивающая существование непрерывной культурно-исторической традиции образно-метафорической и понятийной концептуализации права и науки права. Феномен секулярной нормативной реальности — выражения процесса маргинализации священного и божественного в системах социального общения⁷.

Новая эпоха социальных конфигураций — это эпоха манифестации новых форм социального общения: имитации свободы в заданных траекториях сетевого поведения; время сообществ с неопределенными нормативными границами социальных практик и конкурирующих представлений о должном порядке взаимоотношений с его апостолами и пророками. Это — жизнь социальных сетей, мобильного времени, гетерархического⁸ пространства и трансграничного⁹ права. Его ментальное основание заключено в идее деконструкции всего сущего и несущего, ризомах и симулякрах наличных форм социального общения, ухода от моноиерархий и его права, закрытого для изменений за рамками установленных границ официально-санкционированного правопорядка. Формирование «броуновской» среды обитания и права, размытого в своих концептуальных и нормативных положениях, бросает вызов тому, что еще вчера казалось безусловным и определенным: целеполаганию и рациональному выбору. Феномен текучей нормативности социальных отношений на языке Зигмунта Баумана¹⁰ и социальных транзакций, в самих себе заключающих свое собственное право. Его концептуальное отображение — критическая, прежде всего в отношении своего наличного языка и междисциплинарной структуры, юриспруденция.

Смена исторических эпох — это не только смена политико-правовых укладов. Это смена гештальта или глубинных ментальных оснований организации социальных порядков. Звук, жест, слово и цифра и есть не что иное, как социокультурные формы бытования юридического концепта действительности в отдельных исторических эпохах существования человеческих сообществ. Его развернутые характеристики представлены системами

звучащей юриспруденция, юриспруденции жеста и юриспруденции слова¹¹. На исторической авансцене человек слова сосуществует с человеком цифры. Система живых вербальных коммуникаций и персонифицированных форм социального общения постепенно замещается цифровыми платформами¹². Сетевые коммуникации обладают минимальной степенью выбора вариантов персонального поведения внутри сети, поскольку сетевое право не знает субъективного права. Сеть формирует и формирует собственную соционормативную реальность. Общество цифровых платформ и технологий — общество виртуальных социальных коммуникаций. Это — гибко структурированные конгломераты унифицированных единиц в своих физических и интеллектуальных проявлениях. Это закрытое общество, о котором грезил еще Платон, — общество тотального наблюдения за всеми отправлениями социальной жизни. Новая реальность активно формирует свой словарь, его лексику и грамматику, свою аксиологию и риторику абсолютной несвободы¹³.

Сетевое общество, идущее на смену гражданскому обществу, обществу автономных сообществ на языке Никласа Лумана, не живет определениями своего права как права публичной и частной свободы в практиках социального общения. Эволюция права (институтов) и эволюция представлений о праве (концептов) включены и являются составными элементами общей эволюции правовых систем своего времени и места. Переходы доправовых форм нормативной регуляции к государственно-правовым, а донаучных форм юридического мышления — к понятийным формам связаны и определяются фундаментальными сдвигами и трансформациями лежащих в их основании юридических картин мира или фундаментальными для различных исторических эпох формами и представлениями о должном порядке социальных отношений.

Осевое время (*в терминах К. Ясперса*) и Смена гештальта (*в терминах О. Шпенглера*) продолжают

⁷ См.: Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М., 2020.

⁸ См.: Красавин И. Techne. Сборка сообщества. М. — Екатеринбург, 2013. С. 19–30.

⁹ См.: Варламова Н. В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. ст. М., 2016. С. 30–71.

¹⁰ См.: Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

¹¹ См.: Вульф К. Генезис социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб., 2009; Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995; Дубинец Е. В. Знаки звуков. Киев, 1999; Темнов В. И. Звучащая юриспруденция. М., 2009; Прокурин С. Г. Древние перформативы и право // Языковые параметры современной цивилизации. М., Калуга, 2013. С. 214–222; Прокурин С. Г., Центнер А. С. К предистории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев. Новосибирск, 2009; Соболева А. К. Топическая юриспруденция. М., 2001; Байтеева М. В. Язык и право. Казань, 2013.

¹² См.: Срничек Ник. Капитализм платформ. М., 2018.

¹³ См.: Поннер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М., 1992; Геллер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.

заключать в себе при всей их метафоричности базовые концепты понимания и определения изменений языков социального общения и языков их описания и объяснения в их исторических практиках и формах манифестации. Институциональная и концептуальная эволюции правовых систем в реальной логике взаимных отношений и пересечений образуют общий предмет юриспруденции — теории и истории производства и разрушения правовых систем в историческом времени и пространстве. Аналитический дискурс новой юридической науки сосредоточен вокруг различений и определений права иерархических и сетевых сообществ, различений и определений концептуальных оснований эпохи модерна и постмодерна. Переход от работы с формальным *Текстом* к работе с социокультурным *Контекстом* в рамочных определениях *Метатекста* открывает еще неосмысленные и ненаписанные страницы будущей грамматики нового правового порядка.

Сетевая парадигма права и трансформация правовых систем, связанная с переходом от классической грамматики правового порядка к неклассическим формам эпохи постмодерна — новая проблемная область современной юридической теории и практики. Ее рабочая аналитика лежит в рамочных конструкциях семиотики права, раскрывающей взаимные отношения означающего и означаемого, выявляемые в различных исторических практиках юридической организации социальных отношений. На смену линейной грамматике правового порядка, в которой определенному означающему (правилу) соответствует определенное означаемое (поведение), приходит нелинейная грамматика подвижных юридических форм, в которой конкретное означающее полагает возможным сосуществование множества значений означаемого. Выбор приемлемой для сторон отношения юридической формы (значения) и составляет собственно предмет правового регулирования, субъектами которого являются сами стороны конкретного отношения. Плюралистическая структура субъект-субъектных отношений снимает фундаментальную проблему и тему классической юриспруденции — соотношения объективного и субъективного права, права и законодательства, поскольку данным категориям уже нет места в свободной концептуальной модели и живой нормативной практике организации правового порядка. Феномен господствующего означающего уходит с юридической сцены, уступая место конкурентным подвижным формам организации правового порядка, в составе юридического инструментария которого ключевое значение приобретает интерпретативная техника понимания и определения наличного права. Смещение от установленного права к праву интерпретаций означает переход от права, основанного на юридическом факте к праву, основанному на представлении о факте.

Базовые формулы-паттерны должного правового порядка заменяются текущими и размытыми ситуативными определениями. Цифровое право, по существу, и является именно тем юридическим форматом правового порядка эпохи постмодерна, которое в режиме реального времени формирования и осуществления транзакций способно зафиксировать возникшее и работающее в нем текущее правоотношение. Способно ли цифровое право заполнить разрыв формально должного и подвижного сущего без разрушения наличного правового порядка — вопрос недалекого будущего. Эйфория скоро пройдет, юридические руины надолго останутся, останутся и воспоминания о праве социокультурного Текста без политического подтекста. Право может рассматриваться в качестве текста только в метафизическом смысле, поскольку действительное право выводится или, точнее, пишется самой социальной реальностью в определениях концептуальных представлений о должном в сущем. Только в воображении юристов позитивистской ориентации оно сочиняется в кабинетах законодателей.

К вопросу смены языка концептуальных парадигм

Уход с исторической сцены одних правовых систем и появление новых, их взаимные отношения и пересечения, притяжения и отталкивания связаны и определяются фундаментальными сдвигами в онтологических, ментальных и культурных основаниях социального общения. Что, разумеется, не исключает, а напротив, предполагает появление смешанных, сегментарных и многоуровневых правовых порядков со своими юридическими языками, источниками и процедурами. Остается в аналитической повестке дня и вечная тема юридических исследований любой исторической эпохи, эпоха сетевых сообществ не исключение, — право и свобода в различных социокультурных формациях. Таким образом, ответ на вопрос, что есть право, есть также ответ на вопрос, что есть правовая свобода и наоборот. Одно живет в другом. Свобода как сознание права и право как осознание свободы лежат в основании социальных отношений как таковых. Свобода — это социальное благо-ценность, и в этом смысле она может быть предметом распределения и перераспределения, справедливого или несправедливого с точки зрения морали, равенства или неравенства с точки зрения права. Возможно, именно в этом смысле юридическое и моральное измерения действительности составляют фундаментальные категории человеческого существования, изначально лежащие в его онтологии. Реальность осмысливается в категориях правильного или неправильного, приемлемого или неприемлемого, должного или недолжного порядка, но квалифицируется на языке исторически сложившихся

форм образно-метафорического, вероучительного и понятийного выражения. Действующее в практиках социального общения право может отклоняться от определений социальной, религиозной и моральной нормативности, но данное в собственном смысле своего понятия оно не может быть аморальным. Аморальным может быть и является в различных форматах государственно-правовой политики только законодательство.

Преобразования структур социального общения в контексте смены доминирующих юридических картин мира или правосознаний своей эпохи определяют нормативные рамки и динамику движения от права социальных иерархий к праву социальных сетей. Исторически выработанные нормативные модели представили разнообразные по своей сложности кодифицированные комплексы сочетаний горизонтальных и вертикальных связей в отдельных сферах социального общения. Выражая различные формы зависимости между участниками социальных отношений, они обеспечивали правопорядок в границах правосознания своей исторической эпохи. В культурно-исторической последовательности это языки социоприродных мифов, языки религиозных догм и языки логических конструкций — традиционного права и позитивного права, сохраняющих свое нормативное значение в различных временных эпохах.

В сетевых нормативных моделях нет вертикальных и горизонтальных связей, а только траектории и их пересечения, в узлах которых, собственно, и протекают процессы юридической самоорганизации взаимных отношений. Подвижные системы нормативной регуляции, сопровождающие процессы социальных коммуникаций в режиме текущего времени, в отличие от статичных систем нормативной регуляции социального поведения трех нормативных исторических традиций, — один из возможных вариантов ответа на вызов требованиям нового времени.

Каждая эпоха развития права и науки права характеризуется собственными предметными и концептуальными границами становления и развития своих правовых систем, своими когнитивными стилями. Что объединяет три высокие традиции существования права и науки права и эпохи перемен? Целостное или разорванное единство образа жизни и образа мысли, норм и представлений о нормах? Традиционное право и его концепты (*мифологемы*) и его юридическая теология (*богооткровенные истины*), позитивное право и его понятийная аксиоматика (*аналитика*) — социокультурные формы существования и выражения социальных отношений в правосознании своего *осевого* времени никуда не уходят, а лишь меняют свою внутреннюю эпистемическую и деонтическую

модальность. Генеалогия грамматик традиционного, религиозного и секулярного правопорядков, становление и развитие юриспруденции, преобразования ее исторической проблематики и языка, знаковых форм выражения юридического знания и дисциплинарной структуры являются общим предметом сравнительно-исторической юриспруденции, совмещающей в себе философию и теорию права, правовую лингвистику, антропологию и психологию.

Образование и открытие юриспруденции, ее институциональная эволюция и трансформации форм юридического знания — комплексная проблема и междисциплинарная тема юридической науки в целом, которая определяет перспективные направления исследования в области современного социогуманитарного знания. Проблема поиска нового концептуального языка неизбежно требует совмещения традиционных подходов, сохраняющих свой аналитический потенциал, так и междисциплинарного наследия, которое юридическая наука получила благодаря расширению собственных предметных границ.

Новый предмет и проблема — это разрешение фундаментальных противоречий иерархических и сетевых нормативных порядков социального общения, разрывов преемственности и перехода от знания санкционированного и аксиоматического к знанию конвенциональному и критическому. Извечная дилемма — закон для всех и право для избранных, знание о праве для всех или для избранных обретает свою новую историческую форму собирания конкурирующих за доминирование сетевых иерархий и легитимирующих их представлений. Мы еще не знаем всех последствий явления новой концептуальной и нормативной реальности¹⁴. Этот симбиоз подвижных форм социального общения и понимания открывает или закрывает будущее? Это не столько вопрос соотношения жесткого и мягкого права, сколько проблема формирования новых комбинированных форм юридической организации социальных отношений, объединяющих иерархии в сети в общем культурно-историческом процессе их взаимной институционализации и позитивации¹⁵, права социальных сетей и права социальных иерархий как составных и подвижных элементов общей правовой реальности и ее возможных правопорядков.

¹⁴ См.: Катерный И. В. Трансмобильность и нормативный морфогенез в условиях постгуманизированного общества: как все еще возможен социальный порядок? // Нормы и мораль в социологической теории. От классических концепций к новым идеям. М., 2017. С. 91–134.

¹⁵ См.: Фергюсон Нил. Введение в сети и иерархии // Плоскость и башня. М., 2020. С. 25–97.

Очевидно и другое. Эволюции *форм юридического мышления* или юридических картин мира (переживания, восприятия, понимания и отношения к праву), *форм нормативной регуляции* (или модулов, стереотипов и стандартов поведения) и *языков рассуждения* о правовых явлениях (или аналитического инструментария) образуют три взаимозависимых измерения и уровня правовой реальности своего исторического времени. Юриспруденция как таковая остается фундаментальной когнитивной формой осмысления и репрезентации порядков любой эпохи, являясь органической частью их социокультур и правовых систем. Юридическая наука в своей понятийной, логически выстроенной системе представлений о праве — всего лишь одна из возможных концептуальных комбинаций культурно-исторического процесса осознания права, понимания его метафизических смыслов и текущих инструментальных значений. Это бесконечное разнообразие знаково-репрезентативных форм выражения юридического знания, разрывы и преемственности в развитии способов институционального общения, языков описания и объяснения права, их парадигматике и синтагматике, составляют собственный предмет семиотически ориентированной культурно-исторической юриспруденции.

Проблема в том, что обозначаемое (*предмет*), обозначающее (*дискурс*) и обозначенное (*концепт*) непрерывно меняются знаковыми местами, замещают, выражают и переопределяют друг друга. Комбинации слов превращаются в комбинации значений только в живой практике (прагматике) означивания своего предмета и методов, которые также не существуют сами по себе. Исследовать явление, значит найти его понятие в рамочных изменениях социокультурного контекста и метатекста концептуальной биографии существования и определения своего предмета. Разработка юридической теории предмета и корреспондирующих ему методов имеет место только в подвижной структуре междисциплинарных связей и отношений ее исторической эпохи и стиля языкового мышления. Явление одновременно переживается (феноменологическое определение права), оценивается (аксиологическое определение права), осмысляется (понятийное определение права).

Все возвращается к своим архетипическим истокам. Вечно зелено не только древо жизни, но также и древо познания, о чем говорили в свое непреходящее время еще библейские тексты. Существование явления права до понятия — предмет юридической мифологии и юридической теологии. Мифопоэтическая, символическая и понятийная формы осмысления действительности живут собственной жизнью, выражая и опредмечивая себя в различных исторических практиках

концептуального и институционального развития. В общей социокультурной динамике их взаимных отношений и переходов непрерывно протекают процессы переносов и изменений эпистемических и деонтических статусов и значений в совместно вырабатываемых формах социального общения. Исторические трансформации в составе и структуре ядра и периферии социокультурной регуляции¹⁶, периодически, синхронно или асинхронно, симметрично или асимметрично меняя нормативные роли и позиции ее базовых элементов — идей, норм и ценностей, — сохраняют или разрушают, расширяют или сужают когнитивные и мировоззренческие основания или *этнос* человеческого, а значит, и юридического существования.

Мифология и теология, переплетения воображаемого и реального, фактического и символического — изначальные и первичные способы концептуализации социальных отношений. Это проявления коллективного сознания, в котором получают свое ментальное выражение формы и механизмы юридического восприятия действительности и воздействия на глубинные процессы социальной интеграции и дезинтеграции, лежащие в основании текущих и повседневных практик и представлений о должном правовом порядке. Социокультурные матрицы любой исторической эпохи в своем цивилизационном генезисе уже заключают в себе разнообразные и конкурирующие форматы и тенденции юридического понимания и организации социальных отношений¹⁷. Социальные отношения каждой исторической эпохи живут, говорят и думают на языке своей социокультуры и произведенными в ее рамках — рабочими языками экономики, политики и права.

Доминирование одних нормативных моделей в общей системе социальной регуляции над другими вариативно. Смена юридических картин мира не меняет конститутивной роли самих идей, норм и ценностей в их универсальной способности, функционально изменяясь, оставаться ключевыми элементами общей структуры нормативной регуляции. Тезис, согласно которому право существует в определениях своей социокультуры, позволяет рассматривать эволюцию права в контексте преобразований в составе концептуальных парадигм, выражающих в языке своего исторического места и времени глубинные ментальные основания генезиса и движения собственных правовых систем. Концептуальные парадигмы меняют

¹⁶ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

¹⁷ См.: Айзенштадт С.Н. Культура, религия и развитие в Североамериканской и Латиноамериканской цивилизациях // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.

или сохраняют свои смыслы и значения в границах и определениях культур реципиентов.

Миф, вера и ритуал — объяснительные схемы и модели поведения, вечные спутники человека, феноменологически заданные формы его социального бытования (социализации и понимания, адаптации и мобилизации) и вечные объекты изучения юридической науки. Ныне они выступают фундаментальными альтернативами всеобъемлющей рационализации как права, так и науки права, которые в своей действительности заключают самые разнообразные и конкурирующие смыслы и значения. Чтобы их увидеть и понять, следует критически осмыслить привычные стандарты квалификации знания как логически верифицируемого набора определений. Явление права живет в переживаниях, образах каждой исторической эпохи выражения и понимания права. Действительный предмет юриспруденции — культурная психология институтов, ментальной репрезентацией которой являются сами институты.

Мифологические, религиозные и рациональные концептуальные парадигмы (традиции и новации) в их взаимной эволюции признания и отрицания соединяются и сочетаются в разнообразных пропорциях и конфигурациях совместного сосуществования и влияния на процессы развития и осмысления права. Правовые системы характеризуются своими формами юридического мышления (архетипического, канонического и понятийного), существованием собственного социального пространства, доступного только своим юридическим техникам его нормативной классификации и организации, своими ритуальными, богословскими и аналитическими средствами и практикой разрешения внутренних конфликтов и отклонений от установленных и признанных стандартов должного поведения. Вполне объяснимо, что аналитика культурно-исторической юриспруденции, развернутая в антропологии, герменевтике, лингвистике и эпистемологии права, образует и актуализирует ключевые подходы и направления теоретико-методологической рефлексии своего предмета. Наука права существует в определениях языка и культуры различных эпох. Ее современный теоретико-методологический формат позволяет открыть и увидеть новые аспекты и измерения исследуемой правовой реальности, заключенные в генеалогических основаниях права и науки права.

История права и история науки права и есть не что иное, как развернутая во времени проблематика взаимозависимости практического языка права и аналитического языка юриспруденции¹⁸. Предметно определяемая социокультурной динамикой

их становления и взаимодействия, совмещения и переходов от одной матричной структуры комбинаций и определений понятий и правил к качественно другой логике их нормативной и аналитической организации, она сочетает синхронический и диахронический формат и траектории совместного развития и существования. Описать и объяснить состояние и перспективы изменений в составе и структуре правоведения, исходя из необходимости гармонизации отдельных направлений и подходов (историко-генетического, сравнительного, контекстуального) различных дисциплин в логике взаимодополнительности их аналитических языков — первоочередная задача и тема сегодняшней юриспруденции. Ее комплексный предмет — генеалогия правовых понятий и генеалогия правовых институтов или история рождения и гибели концептуальных и институциональных парадигм в их прошлом, настоящем и будущем.

Генеалогия правовых институтов живет генеалогией образов и представлений, закодированных в языке и культуре социального общения. Правовая реальность такова, каков нормативный язык рассуждения о реальности. Юридические языки не только формируют, но также определяют и регулируют пространственные и временные границы социального поведения. Каждая историческая эпоха живет логикой своего доминирующего языка восприятия и понимания действительности. Именно здесь и лежат аналитические основания формирования интегральной юриспруденции, совмещающей в рамках своего собственного комплексного предмета исследования мифопоэтические, религиозно-символические и рационально-логические подходы в изучении права. Классическая формула *от «мифа к логосу»*, метафорически выражающая традиционную эволюционную модель развития языка юриспруденции, в ее современной редакции, основанной на принципе пересечений и борьбы за доминирование внутри смешанных концептуальных парадигм, должна быть дополнена и представлена конструкцией *«между мифом и логосом»*. Исследовательский потенциал данной интегральной схемы развития юриспруденции позволяет выйти за рамки линейных форм движения ее языка, предмета и структуры и показать реальную культурно-историческую и аналитическую динамику формирования юридической науки, включая инволюционные линии в ее развитии.

Фактический правопорядок каждой исторической эпохи юридического существования, его нормативная и аналитическая составляющие выстраиваются относительно этих трех фундаментальных концептуальных парадигм описания и объяснения действительности. Любое явление, в т.ч. и право, на любой фазе своей культурно-исторической эволюции может быть рассмотрено с точки зрения логики

¹⁸ См.: Дворкин Р. Империя права. М., 2020.

существования и выражения себя в системе мифов, догм и понятий. Это универсальная матрица базовых элементов исторических и аналитических репрезентаций правовой реальности. Общая история права и науки права может быть представлена не только в виде линейной последовательности исторических периодов, каждый из которых охватывает процессы становления и реализации доминирующих образцов-моделей правопорядка, определяющих признанные и санкционированные юридические формы социальных отношений, но также их совместного, циклического и возвратно-поступательного сосуществования, образуя сложные нормативные и понятийные комплексы. Эпистемическая ценность генеалогического подхода в описании и объяснении права и науки состоит в том, что в нем различимы два фазовых состояния и аналитический переход из допонятийной в понятийную форму существования и выражения права и науки права.

Подвижный концептуальный баланс языков мифологических, религиозных и рациональных определений составляет реальную юридическую конфигурацию каждой исторической эпохи. Они связаны между собой синтагматическими и парадигматическими отношениями; занимают в зависимости от исторического контекста положение либо ядра, либо периферии в общей культурной системе; образуют смешанные нормативные структуры, внутри которых протекают процессы развития и перехода от одних доминирующих юридических форм организации социального общения к качественно другим, отвечающим новым потребностям и вызовам. Реальная структура правопорядка существует в виде отдельных сегментов, предназначенных для потребления различными статусными функциональными группами. Ничего никуда не уходит. Все живет своей явной или скрытой жизнью, обнаруживая свое присутствие в ситуациях структурных кризисов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенштадт С. Н. Культура, религия и развитие в Североамериканской и Латиноамериканской цивилизациях // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.
2. Агамбен Дж. Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни. М., 2020.
3. Байтеева М. В. Язык и право. Казань, 2013.
4. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
5. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
6. Варламова Н. В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права: сб. ст. М., 2016. С. 30–71.

7. Вульф К. Генезис социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб., 2009.
8. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.
9. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.
10. Дворкин Р. Империя права. М., 2020.
11. Дубинец Е. В. Знаки звуков. Киев, 1999.
12. Зильберман Д. К пониманию культурной традиции. М., 2015.
13. Катерный И. В. Трансмобильность и нормативный морфогенез в условиях постгуманизированного общества: как все еще возможен социальный порядок? // Нормы и мораль в социологической теории. От классических концепций к новым идеям. М., 2017. С. 91–134.
14. Кофанов Л. Л. Lex и Jus: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. М., 2006.
15. Красавин И. Techne. Сборка сообщества. М. – Екатеринбург, 2013. С. 19–30.
16. Понпер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М., 1992.
17. Проскурин С. Г. Древние перформативы и право // Языковые параметры современной цивилизации. М., Калуга, 2013. С. 214–222.
18. Проскурин С. Г., Центнер А. С. К предистории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев. Новосибирск, 2009.
19. Сидорович О. В. Жреческая традиция в Древнем Риме. Культ, ритуал, история. М., 2018.
20. Соболева А. К. Топическая юриспруденция. М., 2001.
21. Срничек Ник. Капитализм платформ. М., 2018.
22. Темнов В. И. Звучащая юриспруденция. М., 2009.
23. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия и истоки социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб., 2002.
24. Фергюсон Н. Введение в сети и иерархии // Площадь и башня. М., 2020. С. 25–97.
25. Фюстель де Куланж. Введение. Необходимость изучения древнейших верований народов для понимания их учреждений // Гражданская община античного мира. М., (1906) 2019.

REFERENCES

1. Eisenstadt S. N. Culture, religion and development in North American and Latin American civilizations // International Journal of Social Sciences. 1993. No. 1 (in Russ.).

2. *Agamben J.* The highest poverty. Monastic rules and the form of life. M., 2020 (in Russ.).
3. *Bayteeva M. V.* Language and Law. Kazan, 2013 (in Russ.).
4. *Bauman Z.* Fluid modernity. SPb., 2008 (in Russ.).
5. *Benveniste E.* Dictionary of Indo-European social terms. M., 1995 (in Russ.).
6. *Varlamova N. V.* Heterarchicity of modern legal systems and post-Soviet theory of law // Problems of post-Soviet theory and Philosophy of Law: coll. papers M., 2016. P. 30–71 (in Russ.).
7. *Wulf K.* Genesis of the social. Mimesis, performativity, ritual. SPb., 2009 (in Russ.).
8. *Gadzhiev G. A.* Ontology of Law (critical study of the legal concept of reality). M., 2013 (in Russ.).
9. *Gellner E.* Conditions of freedom. Civil society and its historical rivals. M., 1995 (in Russ.).
10. *Dvorkin R.* Empire of Law. M., 2020 (in Russ.).
11. *Dubinets E. V.* Signs of sounds. Kiev, 1999 (in Russ.).
12. *Zilberman D.* To understanding the cultural tradition. M., 2015 (in Russ.).
13. *Katerny I. V.* Transparentnosti and regulatory morphogenesis in conditions posthumanized society: how is social order still possible? // Norms and Morals in sociological theory. From classical concepts to new ideas. M., 2017. P. 91–134 (in Russ.).
14. *Kofanov L. L.* Lex and Jus: the emergence and development of Roman law in the VIII–III centuries BC. M., 2006 (in Russ.).
15. *Krasavin I.* Techne. Assembly of the community. M., – Yekaterinburg, 2013. P. 19–30 (in Russ.).
16. *Popper K.* Open Society and its Enemies: in 2 vols. / under the General editorship of V. N. Sadovsky. M., 1992 (in Russ.).
17. *Proskurin S. G.* Ancient performatives and law // Language parameters of modern civilization. M., Kaluga, 2013. P. 214–222 (in Russ.).
18. *Proskurin S. G., Centner A. S.* To the prehistory of written culture: archaic semiotics of Indo-Europeans. Novosibirsk, 2009 (in Russ.).
19. *Sidorovich O. V.* Priestly tradition in Ancient Rome. Cult, ritual, history. M., 2018 (in Russ.).
20. *Soboleva A. K.* Topical jurisprudence. M., 2001 (in Russ.).
21. *Srnichek Nick.* Capitalism platforms. M., 2018 (in Russ.).
22. *Temnov V. I.* Sounding jurisprudence. M., 2009 (in Russ.).
23. *Tennis F.* Community and society. Basic concepts and sources of sociology / transl. from German D. V. Sklyadnev. SPb., 2002 (in Russ.).
24. *Ferguson N.* Introduction to networks and hierarchies // Square and Tower. M., 2020. P. 25–97 (in Russ.).
25. *Fustel de Coulange.* Introduction. The need to study the oldest beliefs of peoples for understanding their institutions // Civil community of the ancient world. M., (1906) 2019 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич —
доктор юридических наук, профессор кафедры
теории государства и права Московского
государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

VEDENEEV Yuri A. —
Doctor of Law, Professor of the Department of
theory of state and law of Kutafin Moscow state Law
University (MSLA); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia